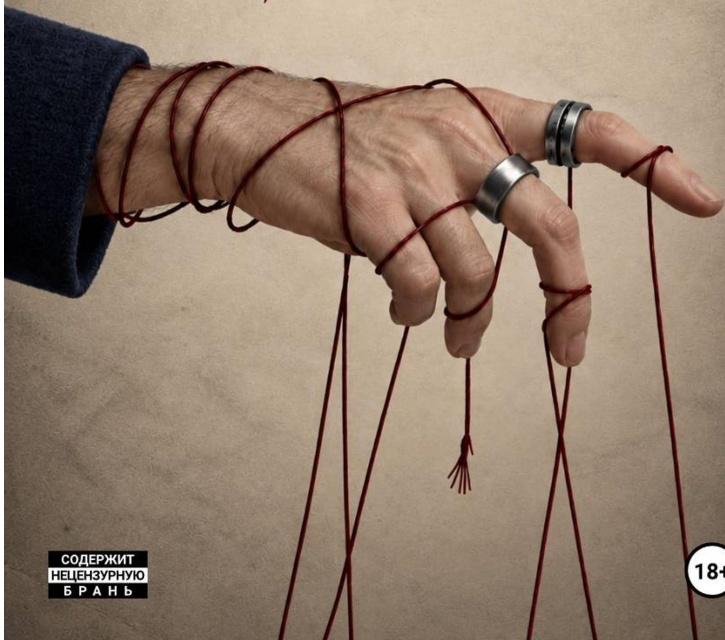

АЛЕКСЕЙ СИЗЫХ

МАНИПУЛЯТОР.

На разрыве страстей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сизых

Манипулятор. На разрыве страстей

<https://litres.ru/74672982>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Манипулятор. На разрыве страстей» — психологическая драма о непринятии устоявшихся стандартов общества. Главный герой Алексей Перф встречается реальную жизнь наивным птенцом, и это его разбивает. В отчаянии он решает искать стратегию, которая докажет его правоту. Он ищет правду в дружбе, справедливость в любви, силу в боли. Страсти нарастают, разговоры становятся оружием, а игра начинает пугать. Перф учится играть лучше, открывая новые тёмные пути к победе. Но это лишь начало: история манипулятора только начинается — и за спиной Перфа остаются те, кому ещё предстоит сделать свой выбор.

Содержание

Ресторан «Бурый медведь»	4
Глава 1. Гроза	11
Глава 2. Мужское и Женское	23
Глава 3. Маленький человек	30
Глава 4. Надо было сказать «нет»?	37
Глава 5. Путешественник	47
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Манипулятор. На разрыве страстей

*«Во мраке пошлости любовной
обрезал нитку кукуловод»*

Алексей Сизых

Ресторан «Бурый медведь»

Осенним вечером было уже очень холодно, чтобы разгуливать по улицам и любоваться природой, но ещё слишком тепло, чтобы отсиживаться дома.

В ресторане «Бурый медведь» оставалось немного посетителей, поток пошёл на спад. Мужчина в белом пальто зашёл внутрь и остановился около стенда с меню. Он выглядел богато, но его манеры и движения казались скромными, даже неловкими.

— Добрый день, могу я вам что-то подсказать? — обратилась к нему молодая хостес. Мужчина не заметил её сперва, прошёл мимо. Но когда она с ним заговорила, он неуклюже заулыбался и потерялся в ответе.

— Да... — он сделал короткую паузу, чтобы собраться с мыслями. — У меня забронирован вип-зал. Скажите, я могу там изучить меню?

— Конечно, барная карта и меню будут предоставлены

каждому гостю вип-зала, если вы ожидаете гостей... — девушка слегка запнулась, увидев, что один из гостей жестом попросил её подойти. — Я могу вас проводить?

— А можете подойти ко мне через пару минут. Я бы хотел всё-таки посмотреть, что вы предлагаете. Вдруг сделаю заказ сразу.

— Хорошо, я отойду к гостю, потом сразу вернусь к вам. Мужчина изучать меню не стал. Он посмотрел вслед уходящей девушке и потревожил гостя за ближайшим столиком. Этот гость сидел прямо за стендом, с виду зажиточный гражданин среднего статуса. Но выглядел он серьёзным и спокойным. Мужчина в пальто шепнул ему что-то и незаметно передал несколько купюр крупных денег, а в ответ получил одобрителный кивок головой. Когда хостес вернулась к нему, он взглядом направил её нарочно в противоположную сторону от вип-зала, а двигался, напротив, в нужную сторону. Путь проходил мимо гостя, который сидел за стендом.

— Где я могу оставить своё пальто? — размашистым движением он стал сбрасывать верхнюю одежду с плеч и не заметил, как рукавом опрокинул бокал вина сидящего рядом гостя. — Прошу прощения, молодой человек, — он прильнул вытирать разлитое вино салфетками, но хостес остановила его.

— Простите, — сказала она, — позвольте мне, — она достала из кармана своего фартука тряпку, вытерла стол до идеальной чистоты и обратилась к пострадавшему гостю: —

Мы предложим вам ещё одну бутылку бургундского вина за счёт заведения.

— Да нет, не стоит, — начал отговаривать её гость в смущении.

— Позвольте сделать вам комплимент, — с улыбкой настаивала хостес, — ведь вы сделали комплимент, когда решились стать нашим гостем.

Гость сдался и был доволен. Девушка пригласила мужчину в пальто пройти наконец в вип-зал. Он находился на втором этаже ресторана, и чтобы до него дойти, нужно было пройти через весь зал на первом этаже, и в обратном направлении — на втором.

— Мне очень неловко, что так вышло с тем гостем...

— Не переживайте за это, — хостес хотела его успокоить и попробовала усилить свою попытку улыбкой и тёплым взглядом.

— Всё-таки дослушайте, — остановил её мужчина. — Запишите бутылку бургундского на мой счёт. Для меня это мелочь, и вы порадуете, если не откажете... — Он посмотрел её имя на бейдже. — Анастасия.

— Ну... — девушка растерялась. — Раз уж вы настаиваете... Спасибо вам, мы... я очень ценю ваш жест.

Они смотрели друг на друга ещё мгновение, пока не стало неудобно. Они уже почти дошли до вип-зала.

— Какое у вас интересное расположение. Я бы мог уже столика три опрокинуть.

— Да, — девушка поддержала его настрой, — по правде говоря, у нас нечасто посещают вип-зал, ведь посмотрите вокруг, — она рукой показала ему вид со второго этажа на первый, — заведение восхищает своей атмосферой.

— Вы правы, — мужчина показал своё удовольствие от их беседы. — Я уже бывал у вас. Полагаю, вы недавно в коллективе?

— Да, вы раскусили. Первый день после стажировки, — она открыла дверь в вип-зону и стала рассказывать ему об услугах. — Если вам что-то потребуется, нажмите кнопку справа...

— Спасибо, я разберусь, — перебил он её, будто переменив своё настроение. — Сделайте ещё кое-что для меня, если вас не затруднит.

— Конечно, чем могу помочь?

— Перед входом меня встретила голодная собака...

— Мы сейчас же этим займёмся, — перебила она его.

— Да, отведите её за угол и накормите, — он достал десять тысяч рублей из кошелька и протянул девушке.

— Что? — Анастасия неуверенно взяла деньги и стояла в ступоре. — Вы... уверены?

— Да. — Он отвечал ей томно. — Собака заслуживает еды. А за углом она не станет пугать посетителей. Если приду ещё раз, а она будет здесь, сделаем то же самое, тогда она с самого начала будет поджидать за углом.

— А вы благородный, — заметила девушка, обрадовав-

шись данному заданию. — Я прослежу, чтобы всё было так, как вы сказали.

— Спасибо, девушка, — сказал он ей напоследок, будто забыв её имя. Но на самом деле он просто завис над портретом, который висел на стене.

Это был портрет русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского. Прямо под ним висела полка, на которой были собраны все крупные труды писателя. Зал был просторным. Слева от двери стоял большой бильярдный стол, а на стене рядом — принадлежности для игры. Справа стоял угловой книжный шкаф и комод с настольными играми. В дальнем правом углу расположился большой письменный стол с тремя креслами, а в левом углу была зона релаксации: два массажных кресла, диваны, оформленные под медвежью шерсть, и большой обеденный стол, украшенный двумя канделябрами на тёмно-зелёной плотной скатерти.

Портрет висел между письменным столом и зоной релаксации, а под полкой с книгами расположился декоративный камин. Стены были сделаны под классический кабинет: деревянные панели от пола примерно на полметра, а сверху — тёмно-зелёные стены.

Мужчина стоял и смотрел на портрет писателя минут пять. Он положил своё пальто на письменный стол, и белый цвет в его образе полностью исчез: он был одет в чёрное — рубашка, брюки и туфли. В его образе блестели только кольца на указательном и среднем пальцах правой руки.

— Я снова перед тобой... И снова я один. — Мужчина стал говорить с портретом, а в глазах его стали переливаться слёзы, но голоса он не изменил. — Ты всё знал... Ты пытался меня предупредить. А я не смог сдержаться. Уже три года...

Он отвернулся от портрета, стал осматривать весь зал.

— Столько лишений — ради нескольких квадратных метров... Ради лишних десяти тысяч. Ради того, чтобы стоять выше всех и видеть, как другие страдают, считают каждую монету, а плачут лишь потому, что их не замечают.

Мужчина нажал на кнопку для вызова официанта. К нему пришёл молодой парень буквально через минуту.

— Давид, — начал мужчина обращаться сразу по имени, — принеси мне стейк... И скажи Насте, чтобы пропускала сюда всех, кто скажет, что пришёл к Перфу.

— А имя?

— Ты услышал, что я сказал. Сделай всё так, как услышал.

— Я вас понял, — парень растерялся и заметно помрачнел. Он собирался уходить.

— Постой, — остановил его Перф и подошёл к нему на расстояние вытянутой руки. — Прости меня. Люди, которых я жду, знают, что нужно сказать. А теперь можешь идти. Рассчитывай на чаевые, но не задавай лишних вопросов. Я на тебя надеюсь.

Парень заметно оживился и поспешил исполнять его просьбу. Перф присел за обеденный стол и стал дожидаться заказа.

— Перф... Ты никогда не знала меня под этим именем...

— Он сказал это в пустоту, а голова его стала наполняться воспоминаниями. Он взял в руки книгу, открыл её и вернулся в то время, когда читал её впервые.

Глава 1. Гроза

Тепло на душе, когда комнату наполняет свет настоящего огня от маслянистых тихих свеч. Когда солнце завершило свою работу и ушло на отдых. Когда шум назойливых голосов детей или пьяниц с улицы сменяется шумом назойливых мыслей в голове. Будь то насущные проблемы или просто наивные переживания. Но свечи... Огонь... Стоит лишь раз взглянуть — и не освободишься от чувства зависти: в таком пылу да ровно. В наше время свечи достают лишь на праздники, они больше не служат основным источником света. Даже если отключат электричество, их достанут лишь в случае, если батарея телефона разряжена. Так и живёт современный мир, но этого так мало, чтобы хоть на долю его понять...

И днём и ночью истязавшие свой разум досаживали в собственном бреду допоздна. В десяти километрах от Иркутска, в тихом городке Шелехове, началась гроза. Свет потух. Из окон панельных домов видны тусклые фонари. Люди включили телефоны. Некоторые окна освещались ярче: рецепт до жути прост, но и в нём есть какая-то романтика — налить рюмку водки и поставить её на фонарь телефона. Многие дачники используют этот способ, чтобы на летней веранде вечером попить чай с семьёй, но чтобы мошки не так доставали. Рюмка рассеивает свет, хоть он и совсем не ярче. Его будто просто больше, но он слабее. Быть

может, этого достаточно, чтобы мошки не налетели, а может, их просто не видно. В квартирах это могло создать хоть какой-то комфорт: ничто не слепило глаза. Свет от рюмки дробился о наклонные стенки, оставляя на потолке размытые кольца — точно кто-то невидимый водил по штукатурке масляной кистью. На секунду можно было забыть, что за окном — панельная пятиэтажка, а в подъезде пахнет сыростью и чужими котлетами. Рюмка стояла на экране — и вдруг квартира становилась похожей на старую фотографию, где все предметы мягкие, приглушённые, а время становилось неважным. Главное было — не пошевелиться, чтобы свет не качнулся. В этом движении, будто разрывающем хрупкую гармонию, чувствовалась жизнь, которую люди так стараются приручить. Но именно такие моменты — когда телефон лежит экраном вверх, а на стекле дрожит блик — заставляют сердце биться медленнее и слушать тишину внутри себя.

Какие-то семьи любили занять себя разговорами о великом, о душе, а может, и наоборот, просто вспомнить историю с работы. Когда в наше время всё чаще встречается проблема отцов и детей, такие разговоры могли задать курс семейной жизни на месяцы вперёд. Другие же от скуки уходили спать, разбредались по комнатам, мечтали в тишине или грустили, вспоминая бывшую любовь, друзей или просто плохие времена. Грозы не спрашивают людей об их планах, не говорят о чувствах. Гроза идёт... Её не осудят. Она просто есть, и никто не сможет ей помешать. Во власти над Землёй ей ды-

шится легко. Тотально она управляет миром, и лишь смирение с ней остаётся людям. Как бы не так...

Но каждый находил себе своё. Однако в большинстве случаев можно было угадать, кто чем занимается.

Квартиры замерли, телевизоры выключены. Если открыть окно, можно услышать, как кто-то в соседнем доме споткнулся в темноте. Или можно прислушаться к беседе ветра и деревьев. Хотя вряд ли в наше время кто-то сможет отозваться об этом так сентиментально. На улице темно, изредка вдали пробегают фары — и вновь становится темно. Холодный свет телефонных фонарей будто нагоняет стужу. Но в одном из окон вдруг потух белый свет и тут же мягко возгорелся жёлтый...

«Третий сын...» Почти самое начало последнего романа Достоевского. Парень сидел в квартире, наполненной тёплым завораживающим мягким светом, слегка задержался, представляя себе, что Фёдор Михайлович сейчас заденет его за живое. Кстати, зовут его тоже Алёша, из-за чего эта глава книги зародила в нём бушующую интригу. Только этот был вовсе не Карамазов. Для пущего антуража он решил зажечь свечи и выключить телефон. Так в нём зародился ещё много лет волнующий его вопрос: как в этих условиях хоть что-то увидеть? Потому что текст был еле разборчив. Держать книгу ближе к свече было тоже ему трудно, потому что его дыхание сбивало огонь. Страницы книги стали волнующимся морем. Но эти проблемы только больше разогревали в нём

интерес. В конце концов он прочитал эту главу, и уж под самый её конец дали электричество. Лёша встал, повыключал все лампочки, отложил книгу и стал готовить себя ко сну.

— Третий сын Алёша... — он даже не заметил, что произнёс это вслух. Его поражало, как много общего он нашёл для себя в описании этого персонажа. Хотя вообще-то он и совсем не был похож на него, но пытался всё равно увидеть в нём себя, чтобы больше проникнуться в историю. Его душа словно губка впитывала всю сентиментальность, которую можно и нельзя было вообразить. Он думал, что уникален в этом, видел в этом свою особенность. Может, это так и было, а может, это совсем не так. Во всяком случае, в его душе находилось место всему. Из счастья и горя он мог создать себе романтику и хотел, чтобы все так могли. Но нужно ли это всем? Как люди хотят жить? Каково им будет жить, не понимая того, что понимает Лёша? И есть ли в этом хоть какая-то значимость? Он задавал себе эти вопросы слишком редко, но, когда задавал, отвечал себе на них строго и точно. И каждый раз, когда этот ответ уже складывался в законченную фразу, внутри него просыпался холодный спорщик — тот самый, что всегда сомневался. «А что, если благодетель — это лишь красивое слово, которым ты прикрываешь свой страх быть как все?» — шептал голос. И Алёша снова прокручивал в голове свои поступки за день. С кем поздоровался, кому улыбнулся, кому не ответил на сообщение. Каждый жест, каждое слово он переворачивал, как страни-

цу, стараясь разглядеть в нём скрытый смысл. Но выходило всегда одно: он жил не для того, чтобы нравиться, а для того, чтобы оставаться цельным. И это ощущение — собранности, даже если вокруг хаос — давало ему странное, почти физическое тепло в груди. Будто внутри зажглась ещё одна свеча, невидимая, которая не мерцает, а горит ровно и спокойно: «Я буду жить так, как вижу себе благодетель. Я считаю свои поступки благими, а значит, мои мотивы таковы. Я уверен в том, что нет ничего истинного, а значит, всегда буду стараться доказать обратное...»

Как и любой ребёнок, он хотел бегать, играть, рисовать... Как любой ребёнок, он хотел смеяться. Он хотел, чтобы его развлекали, водили куда-то. Он хотел дружить, хотел просто веселиться. Ребёнку надо радоваться жизни... Нет даже смысла объяснять зачем, просто надо. Он не знал, чего ему не хватает, чтобы радоваться. В детском саду у него был всего один друг, но и тот ему был скучен. Лёша много думал, но не знал, куда деть свою детскую энергию.

На шестой день рождения родители купили ему конструктор. Лёша слезно радовался. Ему купили поезд, который ещё несколько часов собирать надо, прежде чем играть с ним. Конструкторы освободили родителей от дилеммы, как же занять ребёнка. Лёша начал понимать, что он хоть и не знает, чего ему не хватает, но, кажется, понимает, как это узнать. Он начал развивать фантазию: конструкторы, рисунки, улица. Но улица была пустой. Он придумывал диалоги в голо-

ве, репетировал их, менял интонации, жесты, даже то, как он будет держать руки в карманах. Но когда дело доходило до реального человека — голос садился, слова выходили скомканными, будто их раздавили в ладони. Тогда он возвращался к конструкторам. И там, среди пластиковых шестерёнок и металлических гаек, он мог быть инженером, архитектором, разрушителем, дирижёром, управляющим миром с помощью одного только движения пальцев. Никто бы не понял, что этот мальчик не просто играет, а выстраивает внутри себя целую вселенную, в которой ему не страшно быть собой. Каждый день он придумывал что-то новое. Но он был один. И это его устраивало. Или так казалось по ночам, когда комната погружалась в темноту и только фонарь за окном рисовал на стене дрожащую полосу. В такие моменты он сжимал в руке какой-нибудь маленький предмет — колесо от конструктора, пустую катушку, стёртый ластик — и чувствовал, что он что-то держит. Это «что-то» становилось его якорем. Он мог сидеть так полчаса, не двигаясь, и не чувствовать одиночества. Потому что одиночество было ему не врагом, а тихим собеседником. С ним можно было молчать и не объяснять ничего. С ним не надо было притворяться и бояться осуждения. Он был у себя дома, даже когда дом казался чужим. Заниматься спортом, кататься на велике, ходить на кружки, да даже разговаривать с ребятами на площадке — Лёша боялся. Он даже дома то стеснялся говорить. Мир ребёнка понятен лишь тому, кто его придумал. И не дай

Бог его кто-то засмеёт. Лёша понимал, что это его разобьёт, поэтому молчал. Но годы шли, потребности росли, от конструкторов ломались шкафы, а Лёша смотрел на других и завидовал, что он не такой. Но он добрый, вот только оценят ли это люди? Он этого не знал. И снова испугался.

Лёше было двенадцать лет, когда во дворе у мальчишек случилась потасовка. Это было смешно, дети смеялись... В одного мальчика кинули камень. Совсем крохотный, да и кинули слабо. Но попали ему в самое больное для мальчишки место. Весь двор с хохотом наблюдал за красотой симбиоза гнева, стыда и нелепости. Лёша стоял с бутылкой какого-то напитка и смеялся со всеми. Он знал мальчишек, хоть и никогда с ними не общался. И вот к нему подошёл парнишка, высокий, улыбчивый. С виду сразу думаешь, что девчонки со двора за ним стоят в очереди. Лёша напрягся, но его он заинтересовал. Что же такому классному парню может понадобиться от такого, как Лёша?

— Привет, ха-ха, ты знаешь этих ребят, ха-ха-ха... Что у них произошло? — спросил приветливый мальчишка, никак не способный остановить смех. А смех этот очень поразил Лёшу, он его удовлетворил, будто это он рассмешил всех.

— Привет! Да, знаю. Они тут живут. Вон тот вон в этого кинул камень прямо по яйцам. Вот, смотрим на то, как высокий от боли голос бывает страшен, ха-ха, — Лёша ответил, будто заранее заготовил ответ. Причём он хотел сказать именно коротко, чтобы посмотреть за реакцией, а потом, ес-

ли что, продолжить с подробностями.

— Ха-ха-ха! — Смех паренька затянулся ещё на пару минут. А под конец он слегка закашлялся.

— Вот, возьми, попей, чтоб не кашлял. Ну и отдышись хорошенько. — Это был самый отчаянный Лёшин поступок тогда. Он боялся, вдруг парнишка этот брезгливый, вдруг он скажет что-то вроде «Ты себя видел? Я после тебя пить не буду». А ведь рядом люди стоят, и все это увидят. Лёша даже не понял, почему он решился. Наверное, этот парень сумел расположить его. Более того, Лёша впервые смог кого-то рассмешить, а значит, он уже герой дня.

— Спасибо... — переводя дыхание, парень жадно начал пить Лёшин напиток. Хоть это и газировка. — Меня зовут Ваня Дёмин, это Матвей, — представился он, указав ладонью на товарища, скромно стоящего позади, и тут Лёша прямо растерялся. Во-первых, почему он так сразу назвал свою фамилию, будто он большая известность и хочет этим поделиться. А во-вторых, что это был за Матвей и почему он был так безучастен к беседе. Во дворе ребят было много, но Матвей совсем не показал, что он там изначально с Ваней. Лёша застеснялся, но лишь на миг, ему уже не составляло труда вспомнить, как уважительно к нему отнёсся Ваня.

На следующий день Лёша встал пораньше, вышел на улицу и ждал, вдруг появится Ваня, можно будет ещё как-нибудь повеселиться. Он снова взял с собой напиток, просидел во дворе весь день, но Ваня так и не появился. Лёша пошёл

домой, как вдруг услышал, что кто-то показывает в сторону незаметной со двора лавки, и там сидит какой-то Ваня с разбитым носом. Он сходил, там Дёмин. Нос разбит, кровь уже подсохла, а Ваня сидит и грустит.

— Вань, на тебе лица нет. Ну придёшь домой, умоешься, попьёшь чай, легче станет... Что, сильно болит? — говорил он в жутком удовольствии, что встретил цель своего дня, и в ещё большем удовольствии от того, что может сказать слова поддержки. Хотя и заметил, что лицо товарища выглядит больше задумчивым, нежели рефлексирующим от боли.

— Да на это плевать, я упал. Меня девчонка шьёт, а она такая вкусная... Ты Настю с пятого этажа знаешь? — видно было процесс размышления над грандиозным планом соблазнения.

— Да, знаю. Честно говоря, она мне как-то не нравится. — Хотя Лёша больше так сказал потому, что не получилось показать свою заботу другу так, чтобы его за это похвалили. А Настя эта перенравилась всем казановам детского окружения. И нередко взаимно. Вот и Ваня решил покорить этот Хуанцю.

— Познакомишь?

— Так ты же говоришь, она тебя шьёт. Как она тебя шьёт, если вы даже не познакомились? — вполне резонный вопрос. Лёше только тогда впервые встретила ситуация, где речь собеседника ещё нужно расшифровать, правильно понять, интерпретировать так, чтобы это максимально было

похоже на то, что он имел в виду.

— Ну я попробовал заговорить, она не захотела. Познакомишь так, чтобы я хоть какое-то основание имел. Если есть общий знакомый, наверное, проще так подкатить. — Лёше поставлена задача. Хотя он ни с кем и не общался, он почувствовал, что теперь страх куда-то исчез. Он выполнил просьбу и с тех пор нередко был посредником в делах амурных.

Так Лёша нашёл себе двух друзей. Ваня вскоре уехал в Байкальск. Лёша с Матвеем остались одни, каждый день гуляли, обсуждали Ваню и его возвращение на следующее лето, баловались, снимали на видео всякую всячину, учились проводить время в каком-то странном, но интересном занятии.

Когда Ваня приехал, он совсем изменился. Его не хотелось рассмешить, он жил по каким-то «понятиям», а это слово никто не понимал, тем более то, что оно под собой подразумевает, и уж тем более зачем всё это вообще придумано. Ваня стал из того слоя людей, которых называли «быдло». И он просто перестал быть интересен всем.

Лёша научился шутить, хоть и глупо, тонко, но по-разному, пытаясь импровизировать с мимикой, с подачей. Матвей познакомил его со своими одноклассниками, вполне себе весёлыми и крутыми ребятами. Хотя из них многие смеялись над Лёшей из-за лишнего веса, ведь он был пухлым ребёнком. Позже собралась компания, ребята ходили целой группкой. Лёша снова стал тихоней. В такой компании труд-

но сказать что-то, чтобы это было достаточно остроумно и чтобы тебя не засмеяли. Возле бассейна положили хороший асфальт. А так вышло, что Матвей сильно захотел научиться кататься на скейте. Лёша боялся. Но всегда был рядом с Матвеем. Всегда ходил с ним и был свидетелем каждого удачного его трюка. Но в городе не только Матвей любил скейт-бординг. На бассейне стала собираться новая компания. Лёша слушал, слушал, слушал... И пробовал все эти слова, шутки, истории рассказывать в других кругах, например в школе. У него выходило неплохо, и он сам себя обучал. Как и все, наверное, только Лёша во всём учил себя сам.

«Война и мир», «Отцы и дети», «Мастер и Маргарита»... Сколько страсти подарили ему русские классики, а впоследствии и вся остальная литература. Когда князь Андрей смотрел на небо, Алёша чувствовал, как у него самого немеет затылок. Когда Раскольников стоял над старухой, он ощущал не только холод в груди, но и странную тяжесть в левой руке — будто это он держал топор, будто это он выбирал между жизнью и смертью. А когда Мериме писал о Кармен, он вдруг понимал, что страсть — это когда молчат и боятся дышать. Он начал водить пальцем по строчкам, чтобы не пропустить ни одного слова, и почти шёпотом перечитывал самые важные фразы, как заклинания. Позже он узнал, что это называется «эмпатическое чтение». Но тогда он просто чувствовал, что книги — это его вторая жизнь, более честная и настоящая, чем та, которую ему навязывали извне. Как ему

хотелось этим с миром поделиться... Но... А кому это нужно? Каждый второй в агонии этой страсти просто услышит упрёк в свой адрес, что тот не начитанный. Вот Лёшу и начали иной раз называть душнилой. Смотря вокруг, люди видят мир. Но не более, чем он видим.

Неразглядны были корни; что таится под землёй, в глубине морей, внутри глаз и сердца. Книги перестали быть модны. Их читают теперь только в случае, если жизнь загоняет в угол. Он быстро это разглядел, понял и стал закрывать свою страсть внутри.

Глава 2. Мужское и Женское

Десятый класс был слишком вольным временем для подростка. Экзамены вроде далеко, но учителя уже не грузят домашкой. Скейтеры распались, Лёша успел научиться всему, чему хотел, но он чувствовал себя одиноко. Свободного времени много, энергия есть, что бы поделаться... Он выходил на улицу и останавливался посреди двора, глядя в никуда. Ветер шевелил волосы, дворовые коты разбежались от его шагов, а он всё стоял, будто ждал, что кто-то появится из воздуха и скажет: «Пойдём, я знаю, чем нам заняться». Но никто не появлялся. Тогда он садился на лавку, доставал наушники, включал что-то грустное и наблюдал за облаками. Они двигались медленно, почти незаметно, и в этом было что-то успокаивающее. В такие моменты он придумывал себе диалоги с людьми, которых ещё не встретил. Он репетировал шутки, которые никто не услышит. Но внутри уже зрело раздражение: он устал быть зрителем в собственном фильме.

В десятом классе собрались интересные люди. Каждый чего-то стоит, умеет что-то особенное.

— Димон, ну ты посмотри... Вот с такими одноклассниками мне не стыдно учиться. Какие красавцы и красавицы, — с упоением рассуждал Лёша другу, который был с ним с первого класса и вместе с ним пришёл в десятый.

— Да, Лех, правда, вон с той че-то общаться не хотелось

бы... Как её зовут? Амина? Хе-хе, я бы пошутил, да грешно всё это. — Все любили украдкой пообсуждать кого-то, но эта девушка получала очень острые шутки. Лёша знал это чувство: когда ты становишься объектом чужих слов, когда тебя обсуждают, а ты даже не можешь защититься, потому что не знаешь, что именно сказали. Но в десятом классе это было ещё не осознанно. Ему просто казалось, что если он не присоединится, то станет следующим. И он смеялся вместе с другими, хотя где-то внутри чувствовал, что это неправильно. Позже он часто возвращался к этому моменту: почему он не остановил их?

К ребятам подошла девочка, с которой они были немного знакомы. Лёша играл с ней в новогодних ёлках, классе в седьмом или восьмом. Это была обаятельная манерная бурятка с крепким характером, сизмальства привыкшая обеспечивать себя самостоятельно. Жизнь иногда требует усилий не вовремя. Её возраст был не для того. Хотя, где написано, как и когда жить? В этом вопросе стандартов нет. Но если бы они были, Лёша бы их нарушал. Он всегда чувствовал, что живёт не по графику, не как все. Другие гуляют до ночи — он думает о смыслах. Другие влюбляются — он пытается понять, как это работает. Другие говорят о будущем — он уже знает, что будущее не про профессию, а про то, кем он станет внутри. Когда он смотрел на Веру, которая уже жила одна, он видел в ней отражение своего внутреннего мира: ей тоже было тесно в стандартах. И это их объединяло больше, чем

любые разговоры о погоде или уроках. Но если остальные ведут себя как дети, то она всё-таки повзрослее. Она похудела, следуя Лёшиному примеру, хотя остановилась и снова немного набрала. Лёша заметил это сразу. Не потому, что он следил за её фигурой, а потому что он сам прошёл этот путь. Когда он худел, он чувствовал себя сильным. Когда снова набирал — виноватым. Он просто видел в ней ту же борьбу, которую вёл внутри себя. И ему хотелось подойти, положить руку на плечо и сказать: «Ты справишься, это просто такая полоса». Но он не сказал. Он вообще редко говорил то, что думал на самом деле. А потом жалел, что не сказал. Этот круг повторялся часто. Чёрный цвет её преследовал. У неё чёрные глаза, тёмные волосы и смуглый цвет кожи. А голосом она вовсе могла показать огромную силу и власть.

— Вера?

— Лёша! Мне Сухроб написал, ха-ха-ха, — этот парень был странноват, хотя Вере он моментами нравился. Она всегда высмеивала парней, которые ей симпатичны. Почему это было так, никто не понимал, но все любили посмеяться вместе с ней. В конце концов, никто и не думал, что веселит подростка, ведь кровь горячая, энергии много. Импульсивные смешки были единственным, чем дышали ребята того возраста. И Лёша дышал этим воздухом, хотя порой ему казалось, что он задыхается. Он смеялся, чтобы быть своим. Он подшучивал, чтобы не выглядеть слишком серьёзным. Но внутри его голова работала на полную мощность: он запоми-

нал интонации, жесты, фразы, которые можно будет использовать позже. Он изучал людей, как книгу, которую нельзя показывать другим. Особенно ему нравилось наблюдать за тем, как Вера смеётся над парнями, которые ей симпатичны. Он не понимал, почему она так делает, но ему было интересно. Это было похоже на танец — агрессивный и в то же время нежный. И он боялся, что когда-нибудь она посмотрит на него так же. Высмеивались даже имена, высмеивались поступки, которые во взрослой жизни тождественны бытовой жизни, но нашим героям до этого было ещё далеко. — Приходите ко мне после школы. Я ещё Ксюшу позвала, посидим, посмеёмся.

— А... Ну давай. Димас, ты как? — всё было как-то резковато и быстро, но предложение понравилось всем, даже непонятно почему Лёша так задумался сперва. Впрочем, он всегда был задумчив, он часто начинал обдумывать мелочи, которые не имели значения или результат этих раздумий не имел значения. Например, он мог подумать, что с Ксюшей он так и не общался ни разу, даже не здоровались, хотя одноклассники. То ли она скромная, то ли Лёша её стеснялся. Но ведь это только хорошо. Хоть узнают друг друга.

Ксюша виделась Лёше как милая девушка среднего роста с ненасыщенными рыжими волосами и яркими зелёными глазами. Хотя она носит оверсайз, можно было увидеть, что она худее, чем казалось. Она всегда выглядела серьёзной, но на самом деле у кого эмпатия и ум были поострее, те виде-

ли в ней больше спокойствие и умиротворение, чем серьёзность. Лёша относил себя именно к таким людям. Ему казалось, что он видит Ксюшу насквозь — её мягкую улыбку, её тихий взгляд, её способность быть негромкой. Когда она слушала, она действительно слушала. Не ждала своей очереди сказать. Не перебивала. В этом было что-то, что Лёша искал во всех людях, но находил редко. Лицо у неё было выразительное, отчего она казалась обаятельнее, особенно когда улыбалась. Её говор тоже по-своему был красив, она постоянно торопила букву «л», и казалось, что она вовсе её не выговаривает. А сам голос у неё был мягкий, но по нему можно было примерно предсказать её отношение к тебе. Если она говорит с тобой мягче, чем обычно, то она тебе либо очень доверяет, либо волнуется, если, например, она только знакомится.

Ребята весело и тепло попили чай у Веры, а сами разговоры были о всяких мелочах. Лёша с Ксюшей сблизились друг с другом лишь так, что теперь в школе могли здороваться, только и всего, хотя друг другу и стали приятны, но не сказать, что близки. Ксюша ушла быстро, Дима сразу за ней. И Лёша остался один на кухне с Верой, пока она собирала чашки. Он смотрел, как она двигается — быстро, уверенно, будто знала, что каждая секунда должна быть занята. Он хотел помочь, но она не просила. Он хотел сказать что-то, но не знал что. И вдруг она повернулась и посмотрела на него с таким выражением, будто видела его насквозь. «Что?» —

спросил он. «Ничего, — ответила она, — просто ты растаял, как пломбир на солнце». Лёша не знал, что ответить. Он просто улыбнулся, но внутри его захлестнула волна, которую он не мог назвать — ни благодарностью, ни страхом. Для резкости и дерзости Веры это были слишком мягкие слова. Но Лёша был спокоен. Просто он почувствовал, что его наконец заметили. Лёша с Верой решили посидеть ещё, они много общих знакомых ещё могли обсудить. Но они не стали их обсуждать.

— Кто бы знал, что Ксюша такая классная. Я думал, она ничего толком не расскажет. — Лёша всегда удивлялся тому, как люди раскрываются. А зная свой опыт, он считал, что ему повезло так вырасти, скажем, в хоть как-то интересного человека.

— Да она и не расскажет ничего тебе. Это сейчас мы посидели, нам было комфортно: ты позвал парнишку, я девчонку. Дима тебе комфорт дал, Ксюше — я.

— Ну, наверное, это я Диме комфорт дал, — не согласился Лёша, поддерживая шуточную обстановку, но Вера решила ударить в лоб.

— Да ты б и двух слов не связал без Димы. Помнишь, как с Кариной было? — резковато, но Вера такие резкости преподносила смешнее всего.

— Во-первых, — начал было Лёша, немного запинаясь, — с Кариной было круто. Ей не хватило духу понять, что я лучше всех. Но и я был ребёнком. Увидел красивую скром-

ную девушку и зацепился. У меня в жизни немного разнообразия было. Это сейчас я понимаю, что она не так уж была мне нужна. Во-вторых, я ведь не соблазнить Ксюшу пытаюсь, — хотя всякий раз, когда Лёша воодушевлённо говорил о ком-то, ему приписывали высокие чувства. Но иногда и были правы. — И в-третьих, я и от тебя поддержки чувствую достаточно.

Обстановка на кухне у Веры была чарующей своим комфортом. Разговор сам шёл, желание сделать больше начало соблазнять Лёшу всё сильнее. Он впервые после распада скейтеров почувствовал себя социально удовлетворённым, хотя и без того чувствовал себя неплохо. Но теперь — замечательно.

— Раз так, вы приходите: я всегда с Ксюшей, ты Диму зови. Создадим свою, скажем, компанию. Ты за мужскую её часть, я за женскую.

Глава 3. Маленький человек

Чтобы выбрать своё призвание, многим приходилось ломать голову. Особенно теперь, когда любая работа как на конвейере монотонна: ты делаешь одно и то же изо дня в день. Люди в глубоком отчаянии выбирают из того, что предлагает город. Есть завод? Отлично! Выбросы фтора? Слабеют кости? Но и жить-то вечно не приходится, чего переживать. Так, утрированно говоря, и принимается смирение у большинства. А детям предлагают выбрать свой путь ещё в школе, когда они даже не поняли, нравится им математика или биология. Ребята зачастую делали выбор исходя из того, какой предмет ведёт более приятный учитель, или в каком эмоциональном состоянии ты был, когда проходили важную тему по конкретному уроку: делал ли ты домашнюю работу или рефлексировал вечерами на лавке у городского бассейна — от того, что вдруг исчезли воробы.

Ксюша, Вера, Лёша выбрали гуманитарный профиль. Лишь бы не математика. Правда, Лёшу больше смущала физика — хотя потом он её уважал и неплохо понимал. На уроке немецкого языка Лёше пришлось знакомиться с одноклассницей Соней, которая показала себя скромной и весёлой, но... Наверное, какой-то непонятной. Нет, она была не странной. Если только не считать странность чем-то отталкивающим. Скорее, эта странность говорила об эмпатии —

и о том, что понимание у неё ограничено чем-то своим. Лёша был хоть и приветлив, но всё же не успел ещё избавиться от стеснения при знакомстве: когда не знаешь человека, боишься чего-то. На самом деле он это в себе понимал, но не желал избавляться от этого, считая это какой-то природной защитой.

Но вот кабинет немецкого языка, где было не три ряда парт по обыкновению, а всего два. Соня первая решила подсесть, первая заговорила, и это было сразу с улыбкой, будто нарочно пыталась расположить Лёшу к себе.

— Guten Tag, liebe Schüler, — неожиданно для всех, хоть это и стоило предполагать, учитель начала сразу говорить на ранее незнакомом на слух языке. Все друг с другом переглянулись, не понимая, что от них хотят. Соня тоже по примеру остальных пыталась поймать взгляд Лёши, но он почему-то посчитал этот взгляд сильно вопрошающим и решил не реагировать, заметив обстановку лишь боковым зрением, но головой не повёл.

— Это значит: «добрый день, дорогие ученики», — обстановка разрядилась, и ребята принялись отвечать ей на русском совершенно скомканно. — Нет, нет, это будет нашим приветствием перед началом занятия, вы должны ответить: «Guten Tag, liebe Lehrerin».

— Что она сказала последнее? — шёпотом переспросила Соня. Лёша решил, что она слишком торопится считать обстановку комфортной: на его взгляд, взаимодействия было

слишком много.

Ему было не о чем переживать, но он всё равно переживал — будто ему нравилось накручивать себя. Мысли были надоедливые, душные, тягучие. Со временем он привык. Общение становилось мягче. А Соня всё больше вызывала в нём интерес.

— Тебя как-то трудно понять. — Сказав это, Лёша понял, что фраза прозвучала не так. Он уже собрался развивать мысль, но Соня в мелком смешке заставила его забыть о намерении. Ему хотелось сперва посмотреть, как она себя покажет, что ответит. В момент смеха она слегка откинулась назад, сморщила нос и вскинула брови. А Лёша обратил внимание на её глаза — с особенным увлечением, настолько она стала интересна.

— В смысле? — сказала она, досмеиваясь, и мягко хлопнула Лёшу по плечу, будто хотела обратить его взгляд на себя.

— Да просто ты какая-то другая. Я таких не встречал. — Лёша хотел сказать что-то приятное, но не так, чтобы вышло в комплимент. До этого он действительно видел девушек и считал, что все они понятны, как чистый лист. Конечно, на самом деле это было не так. Но он верил в это.

«Что же это за Соня? Почему она такая? Почему мне её не понять?» — с этими мыслями Лёша провёл весь день. И думал он больше, чем его на самом деле волновало. Вдруг ему пришло в голову собрать её образ в голове — может, станет

яснее. Он закрыл глаза и попытался представить её в деталях: сначала лицо, потом голос, потом движения, когда она смеялась. Но каждый раз что-то ускользало, будто она была не из этого мира. Её улыбка казалась ему не просто улыбкой, а приглашением в мир, который он не знал. «Какая-то она другая», — думал он, но не мог объяснить, что именно его цепляет. Может быть, в ней было что-то, чего он сам искал: искренность, которая не требует доказательств. Или просто он привык всех анализировать, а её анализ не поддавался. Это тревожило его. Но и завораживало.

Милая девочка. Метр пятьдесят шесть. Ярко-голубые глаза, светлые волосы распущены. Хороша собой — и не перегибалась с макияжем. Худое тёплое лицо казалось мягким и выразительным. Но глаза — насыщенные, особенно когда зрачки сужены, — обращали на себя внимание.

«Невероятно милая девушка. Лишь бы не влюбилась», — промелькнуло в голове. Соня вызывала трепет. Хотелось обнять её и отвести на батут — пусть попрыгает. Детское обаяние накрывало тех, кто искал её внимания. Но сама она была глубже, чем казалась. В классе — одна из лучших, но никогда не стремилась быть первой. Может, мешала лень. А может, боялась оказаться в центре внимания. Лёша был таким же. Поэтому постепенно начал понимать её лучше других. Но этого ему всё равно было недостаточно.

Уроки закончились. После школы Дима дожидался Лёшу, Ксюша — Веру. В гигантской очереди за одеждой Лёша сто-

ял в метре от окошка. И заметил Соню в самом конце. Взгляды пересеклись. Он указал ей рукой — проходи сюда — и подозвал одноклассницу, чтобы та передала номерок. Такая детская ситуация — вершина всех забот. По крайней мере, так думал Лёша.

— Ты герой, Лёша. — Таким словам он всегда придавал значение. С детства мечтал, чтобы в глазах других был именно таким. Но в этот раз смутился. Хотя был рад. Для него это значило много: самоуважение, которого так не хватало в детстве.

Они вышли вместе. Ребята возле школы уже собрались.

— Идём пить чай? — спросила Вера. Ответ был положительным. Лёша не понял их планов. Он увидел, что Ксюша и Соня сразу нашли общий язык вне школы. Ему пришло в голову, что, возможно, только ему нужно время, чтобы почувствовать комфорт. На деле это было не так. Но среди этих людей Лёша действительно был самым задумчивым и осторожным.

— Я правда в шоке, что нашему классу так просто общаться друг с другом. — Он искренне решил поделиться.

— Мы с Соней совсем не общались, когда учились в одном классе, — сказала Ксюша. Лёша мысленно посмеялся над собой. И пристыдился: он даже не подумал, что кто-то мог быть одноклассником Сони до десятого класса. Он вдруг понял, как много предположений строит о людях, даже не зная их. Он уже нарисовал себе образ Сони — милой, зага-

дочной, немного странной. И теперь картинку пришлось пересматривать. Ему нравился этот процесс — собирать людей по кусочкам, как пазл. Но в этот раз пазл оказался сложнее. И это было хорошо. Ему надоели простые сценарии. Хотелось чего-то, что заставит думать дольше, чем обычно. И Соня, похоже, была именно таким сценарием.

Зайдя к Вере, Лёша принялся рассматривать квартиру. Настроение было приподнятое, компанейское. Вера была в острых отношениях с родителями и жила одна в квартире бабушки. Кухня обставлена уютно. На столе — стенка из коробок самого разного чая. Окна кухни и спальни выходили на закат. Вера жила одна, но уют хранила трепетно. В её возрасте она казалась взрослее других. Любила посмеяться и поговорить о важном. Но вызывала сочувствие. Её всегда видели в хорошем настроении. Но мнение было чётким, строгим, чаще критичным.

Ребята уселись на диван и говорили обо всём. Ксюша и Соня искренне смеялись. «Кажется, я бы хотел такую компанию», — промелькнуло в голове. Он не произнёс этого вслух. Но внутри уже навсегда записал этот вечер. Эти голоса, этот смех, запах чая и закат в окне. Он вдруг почувствовал, что он часть чего-то большого, грандиозного и очень важного. Часть истории, которую он будет вспоминать через годы. Он не знал, что эта компания станет его опорой, его болью и его школой жизни. Он просто сидел и наслаждался тем, что рядом есть люди, с которыми можно молчать и сме-

яться одновременно. И это было для него счастьем.

Глава 4. Надо было сказать «нет»?

В то лето время текло медленно, и никуда не надо было спешить. Компания казалась им самым совершенством. Они не искали приключений — они сами становились ими. Лёша полюбил своих ребят. Сутками они общались, гуляли, обошли весь город сто раз. Знали каждый переулок, каждую скамейку, каждую кофейню, где можно было посидеть, не делая заказа. Город стал их картой. Каждая точка хранила чью-то шутку, чей-то смех, чей-то разговор, который потом пересказывали неделями. Лёша любил эти прогулки не за места. За то, как менялись люди рядом с ним. Он видел, как раскрывается Ксюша, как Вера становится мягче, как Дима перестаёт быть просто другом и становится частью его мира. Он не говорил этого вслух. Но внутри уже знал: эту компанию запомнит навсегда. И ничто не должно было нарушить эту гармонию. Спокойное счастье забралось в душу Лёши глубоко и крепко.

Как-то в выходной раздался звонок. Данил Розанов. Ещё один одноклассник. Он был тихим парнем, неинтересным, заурядным. Никто его и не замечал вовсе. Но Даня не хотел мириться с этим. Каждый день он пробирался в новую компанию и становился их слушателем. Но места себе так и не находил. Люди не прятались от него, но и не могли привыкнуть, что он появляется из ниоткуда. Его присутствие не до-

бавляло ни энергии, ни шарма, ни особенного настроения.

— Привет, Лёшка, ты занят? — Голос у Дани был неуверенный, будто он заранее знал, что может услышать «нет».

— Мне семнадцать лет, чем я могу быть занят? — ответил Лёша, желая показать, что Даня может обращаться с любым вопросом: время так или иначе найдётся. Но когда он это произнёс, внутри что-то дрогнуло. Он не хотел быть тем, на кого можно положиться. Боялся, что, если люди его таким примут, он разорвется. Но он не умел отказывать: отказ в его мире всегда означал потерю. Ему казалось, что, если он скажет «нет», Даня исчезнет, сломается, обидится, и это будет его вина. Он чувствовал, что согласие давит на плечи, как тяжёлый рюкзак, который он таскает без всякой цели.

— Давай прогуляемся? — предложение было неожиданным. Лёша смутился: ему казалось, что время пройдёт самым скучным образом.

— Давай, — ответил он вопреки чувству. Отказ не укладывался в нём. Он боялся показаться грубым. Боялся, что «нет» прозвучит как приговор — окончательный и жестокий.

Прогулка была длинной. Парни прошлись по парку, затронули несколько тем, совершенно неинтересных обоим. Говорили о погоде, о школе, о том, кто в кого влюблён. Но доверия не было, и оба повторяли, что сердца их свободны. Лёша кивал, отвечал односложно. А думал о том, как быстро бежит время. Ему казалось, что прогулка длится целую веч-

ность и каждую минуту он мог бы провести иначе. Ксюша, наверное, сидит дома с телефоном. Вера готовит ужин. Дима уже ждёт его сообщения. А он здесь, с человеком, который даже не пытается быть интересным.

Он чувствовал себя предателем. Предателем своего времени, своих мыслей, своей энергии. В этом чувстве было что-то тягучее, похожее на стыд. Он не знал, за что именно стыдится: за то, что согласился, или за то, что уже жалеет о согласии. Погода назло выдалась жаркой, душной, будто и она торопила внутренние вопросы ребят.

— О чём ты хотел поговорить? — спросил Лёша. Не столько от скуки, сколько от мысли, что скоро подойдёт время, когда обычно выходят девочки.

— Я смотрю на вас... на вашу компанию... — начал Даня. — Вы такие дружные. А у меня... у меня есть один друг. Мы с ним по сети в компьютер играем. И всё. Я просто сижу дома сутками. Ничего не делаю. Даже дела не копят. — Он замолчал. — Я очень скучный человек. Я неинтересный человек.

Лёша услышал в этих словах что-то знакомое. Себя. Год три назад он думал так же. Сидел дома, смотрел на других и не понимал, как они могут так легко говорить, шутить, быть в центре внимания. Тогда он решил, что это навык. Что можно научиться быть интересным, если слушать, запоминать, тренироваться. И он научился. Но теперь, глядя на Даню, чувствовал не сочувствие. Раздражение. Потому что Да-

ня не пытался научиться. Он просто хотел, чтобы его взяли готовым. И это бесило Лёшу больше, чем сама скука.

— Когда я с людьми... мне даже сказать нечего. Голова пустая. А ты... ты всегда что-то рассказываешь. Я хочу быть как ты.

— Тебе нужно найти своё кредо, — прервал его Лёша, — Я тоже не всегда мог что-то рассказать. Мне пришлось сперва познакомиться с собой, научиться жить в социуме, обращать внимание на детали. Толстой в своей книге несколько страниц посвятил дубу у дороги. Дуб менялся — от времени года, от настроения, от взгляда князя Андрея. Лёша помнил, как замороженно читал это. Тогда он впервые понял: даже дерево может быть сложным. А что уж говорить о человеке. Он смотрел на Даню и думал: «Ты как тот дуб в начале весны — голый, неподвижный. Но, может, внутри тоже идёт сокотдвижение, просто я не вижу?» — А ты посмотри вокруг. Найди в себе интерес.

— Возьмите меня в свою компанию. Я неплохой человек, мне бы хотелось с вами общаться.

Лёша замер. Он не ожидал этого так резко, так прямо. Думал, Даня просто хочет выговориться, поделиться тоской — и уйти. Но это «возьмите меня» прозвучало как требование. Он почувствовал лёгкое давление, почти физическое. Захотелось сказать «нет». Слово застряло в горле. Он боялся обидеть. Боялся показаться жестоким. Боялся, что Даня потом будет рассказывать всем, какой Лёша плохой. И вместо чёт-

кого отказа начал мямлить, оправдываться, смягчать. Уже знал, что это ошибка. Но всё равно продолжал говорить.

— У нас своя атмосфера. Я бы хотел её сохранить. Не хочу сказать, что ты бы испортил всё. Но зачем рисковать?

— Да я клянусь, не испорчу, — настаивал Даня, будто не понимал намёка.

«Вот упрямый чёрт. Ну не посылать же его... Хотя он скучный. Само собой, не приживётся», — подумал Лёша.

— Ладно. Сейчас мы с ними встретимся. Потом если что — сам смотри.

Лёша смотрел на Даню и вдруг понял: этот парень не просто скучный. Он — тот, кто привык, что его не замечают. Кто идёт через равнодушие, как через туман, потому что не знает другого способа двигаться. Лёша знал это чувство. Когда ты не уверен, что тебя примут, но всё равно просишься — потому что иначе ты просто исчезнешь. Его собственные детские годы были похожи. Но Даня сделал это открыто, без страха. В этом была какая-то пугающая храбрость. Лёша не знал, восхищаться этим или бояться. Такие люди не боятся быть смешными. Они боятся быть незамеченными. И они правы. Кто не хочет быть любимым? Кто не хочет, чтобы его уважали и ценили?

Лёша поймал себя на мысли, что пытается переложить ответственность. Что он просто ждёт, кто ещё скажет «нет», а он останется в стороне — чистенький, добренький, невинный. Ему стало противно от этой мысли. Но он ничего

не сделал, чтобы её изменить. Так и шёл рядом с Даней, будто это был не его выбор, а случайность. И внутренний голос шептал: «Ты не герой, Лёша. Ты просто боишься быть плохим». Он не ответил на этот голос. Просто шёл дальше.

Так и выходило, как Лёша посчитал: Даня просто ходил и молчал, но никто не чувствовал себя при нём скованно. Лёша наблюдал со стороны, будто режиссёр, который снимает фильм, но не может вмешаться в сценарий. Даня появлялся, садился на край дивана, слушал. Иногда вставлял что-то, что никто не запоминал. Никому он не мешал — его будто и не было. Но Лёша замечал. Что-то в комнате сдвигалось, когда Даня входил. Появлялась лёгкая неестественность, будто поставили лишний стул. Он искал глазами поддержку у Веры, у Ксюши, у Димы. Но никто не показывал, что ему это не нравится. Может, они просто не хотели обидеть? Может, он один это видит? Или он просто придирается к тому, кто пытается быть лучше? А вдруг Даня действительно меняется, а Лёша просто не хочет этого замечать?

Вот только Лёша упустил из внимания ту самую упёртость, настойчивость. Компания его не звала. Но он взял у всех контакты. Звонил всегда сам. Приходил и подготавливал темы для разговора. Записывал анекдоты. И всё-таки прижился.

Даже Лёше он полюбился со временем. И в этом была главная ирония: Даня, которого Лёша так не хотел брать, оказался не тем, кого надо было бояться, пугаться или стес-

няться. Он не лез с советами, не критиковал, не пытался быть главным. Он был как тень, которая не мешает, а просто убавляет света. Но с близкими людьми и в темноте тепло, так что Даня не помешал. Лёша начал привыкать к нему.

Он перебирал слова, интонации, искал момент, где можно было бы сказать «нет». И каждый раз находил оправдание, почему этого не сделал. «Я не хотел его обидеть». «Я думал, он сам отстанет». «Мне было неудобно». На самом деле он боялся: если скажет «нет», то потеряет не Даню, а что-то в себе. Какую-то часть, которая считала себя добрым. Ему казалось, что отказ делает его злым. Он не понимал, что настоящая доброта — это когда говоришь правду, даже если она неприятна. Но внутри уже зрело смутное чувство, что он предал себя. И это чувство было хуже, чем любой отказ. Ему становилось стыдно. Но стыд не приходит просто так. Может, это было какое-то внутреннее чутьё? А если так — что оно значит?

Даня Розанов появился в их кругу не как лидер и не как заводила. А как тихий, почти незаметный человек, который очень хотел быть нужным. Лёша видел это сразу. Даня пытался уловить момент, вставить слово, поддержать чужую шутку. Но делал это с той неуклюжей настойчивостью, которая выдаёт человека, прыгающего выше головы. Он смеялся с паузой, будто проверяя, правильно ли понял. Вставлял фразы, которые звучали как заученные. Когда рассказывал что-то, его голос становился чуть громче, чем надо, и он ча-

сто оглядывался на реакцию. Иногда это было забавно. Иногда — неловко. А иногда — почти больно смотреть.

Но Лёша заметил кое-что ещё: Вера тоже это видела. Не так, как остальные — не поверхностно, а по-настоящему, как и он. Они могли обмениваться взглядами в те моменты, когда Даня особенно старался быть замеченным. Этого было достаточно, чтобы понять друг друга.

— Он прыгает выше головы, — сказала Вера однажды, когда они остались вдвоём на кухне, пока остальные смотрели какой-то фильм. — Но я не знаю, что ему нужно. Внимание? Или просто кто-то, кто скажет, что он хороший?

Лёша кивнул. Он чувствовал то же самое. Даня был как открытая книга, которую никто не читал. Хотел казаться сложным — оставался простым. Хотел быть запоминающимся — оставался незаметным. И это раздражало. В Дане было что-то противное — будто он сам себе мешал.

— Интересно, он понимает, что мы это видим? — спросил Лёша.

— Не уверена. Он слишком занят тем, чтобы нравиться всем. И я боюсь, что он сломается, если кто-то скажет ему правду.

Лёша не ревновал. Он боялся ревновать, потому что боялся показать свои чувства. Ведь их могут засмеять. Более того, он сам не мог разобраться в себе, поэтому ему было просто не до ревности. Но он видел, как Даня смотрит на Соню. И в этом взгляде читалась обречённость. Будто Даня

уже заранее знал, что проиграет. Но всё равно не мог остановиться.

«Он ведь прыгает выше головы, — подумал Лёша. — Неужели не видит, как это выглядит со стороны?»

Ему стало почти неловко за Даню. За его неуклюжие попытки блеснуть остроумием, за его заученные фразы, за то, как он старается оказаться рядом, но каждый раз теряется, когда Соня поворачивается к нему.

«А что, если он просто влюбился? — мелькнула мысль. — Влюбился по-настоящему, а не просто пытается быть в центре внимания? И теперь он не знает, как с этим справиться, потому что никогда раньше никого не любил?»

Его начинали утомлять мысли о чужих отношениях. А тут ещё этот страх — и стыд за страх. Он не понимал, откуда они берутся. Лёша хотел, чтобы Даня был простым, понятным. Тогда он мог бы просто отмахнуться от него. Но если Даня действительно испытывал к Соне чувства, он становился сложным для компании, неудобным. И Лёша не знал, как относиться к этому. Но и мириться с этим не хотел.

«Нет, — сказал он себе, — это не любовь. Это просто желание быть частью чего-то, быть замеченным. Соня просто цель, потому что она рядом. И если она будет занята, он переключится на другую».

Но эта мысль не принесла ему облегчения. Потому что, если Даня искал просто внимания, он мог найти его любой ценой. А это было хуже, чем любовь. Любовь можно понять.

Одобрение — нет.

Вечером Лёша с Верой снова встретились взглядами в тот момент, когда Даня громко, на всю комнату повторил чужую шутку и никто не засмеялся. Лёша понял: они с Верой не просто видят. Они единственные, кто не закрывает на это глаза. И ему стало немного легче оттого, что он не один.

Глава 5. Путешественник

С Ксюшей Лёша никак не мог настроить связь. В компании им общаться было просто: один говорит шутку или историю, остальные развивают. Но наедине будто говорить было не о чем. Неловкое молчание сменялось короткими бессознательными и бессмысленными вопросами вроде «как дела?» или «что расскажешь». Разговор настраивался с трудом, хотя с другими людьми Лёша такой проблемы не видел. Он искал причину в себе, перебирал фразы, которые можно было бы сказать, но они казались слишком пустыми. И он снова замолкал.

«Может, Ксюше просто неинтересно со мной? — думал он. — Или я слишком много жду от тишины?» Он не знал, как понять это, и от непонимания становилось только сложнее.

Соня с родителями улетала в Таиланд. Дима с семьёй тоже решили отдохнуть. Они полетели в Турцию. Вера пригласила к себе Ксюшу и Лёшу. Они какое-то время гуляли втроём, хотя иногда они так гуляли, даже когда остальные друзья были в городе. Вера была в плохом настроении. Тогда она болела неясно откуда взявшейся любовью к парню из старшего класса. Вера очень интересно говорила о своих чувствах. Она каждый раз рассказывала какую-то новую историю из жизни этого парня, Шохруха. Кстати, очень любила

пошутить даже над ним. Но в этот день она была в каком-то отчаянии. Когда пришли Ксюша и Лёша, она, набравшись немного сил, решила развесить вещи из стиральной машины. Всего пять минут, но Лёша сидел в ужасе. Надо же что-то сказать...

«Зачем я читал столько книг, раз я ничего даже придумать не могу, даже историю вспомнить, хоть что-то сказать?» — мысли обуяли Лёшу. Тогда он впервые обвинил чтение и книги в их бесполезности. После этого он перестал читать на какое-то время.

Но вдруг тишина стала невыносимой, и он решился.

— Я надеюсь, ты никуда не улетишь? — с трудом он вспомнил причину, почему они не собрались большим составом. Обрадовавшись этому озарению, спросил немного экспрессивно, будто спешил куда-то.

— Я в деревню уеду в середине лета или ближе к концу. Я хочу поработать где-нибудь до деревни. Вот сейчас смотрю объявления. А там уже буду ягоду продавать. — Бинго! Разговор пошёл как никогда просто. В любой другой ситуации Лёшин вопрос не принёс бы много плодов, но в этот раз он оказался актуален. Теперь Лёша мог задать ещё больше вопросов. Но он подумал о другом...

Когда Ксюша отвечала Лёше на вопрос, голос её был слегка выше, но оставался тихим и спокойным. Смотрела она точно в глаза, а он, будто коченея, не мог оторвать свой взгляд от её глаз. Об этом он и думал. Он понял, что Ксюша

ему нравится. Решил, что именно поэтому ему было трудно находить слова. Ему стало просто неинтересно спрашивать про деревню. Он захотел придумать, как ей помочь. Хотя она и не просила о помощи, Лёша просто этого хотел. Его мысли промелькнули всего секунд за десять. А Ксюша продолжила говорить.

— Я очень соскучилась по деревне, по ягоде, по природе деревенской.

— А это далеко? Надолго ты уедешь? — Лёша вдруг начал бояться терять на лето Ксюшу. Он почему-то уже считал, что ответы на эти вопросы будут ему неприятны.

— Это рядом с Ольхоном, я поеду, наверное, до конца лета. Может, за неделю до конца вернусь. — Лёша больше ничего не хотел говорить. Он вовсе не расстроился, но безумно хотел просто посидеть и подумать, разложить мысли у себя в голове. Его радовало, что сейчас она здесь, и несколько недель они точно ещё будут видеться.

«Когда же мой звёздный час? Когда мне нужно вступать в бой? Когда я смогу проявить свою неотразимость? Я не хочу устать в суете ненужных проблем и мусора, бессмысленно придуманных людьми. Когда всё будет так, как надо? Когда...» — словно мантру Лёша повторял себе эти мысли в голове. И в этот вечер на его лице оставалась скучная задумчивость, разгадать которую было невозможно, а потому и понять его было нельзя. Но он старался это скрыть, что получалось очень скверно.

Вера освободилась точно в ту минуту, когда это было удобно Лёше. Она прошла в комнату и сразу стала говорить о своих проблемах. Ей нужна была поддержка от ребят. Она чувствовала себя ненужной. Некрасивой, даже убогой.

— Шохрух меня никогда не заметит, — отчаянно, но ярко сказала Вера.

— Школа белая, ты чёрная. Как тебя не заметить? — шуткой решил поддержать Лёша. Обычно люди от таких слов только больше отчаиваются, но на Веру это работало, и Лёша это знал. Хотя он мог поддержать с большей чуткостью, но его голову заполнила мысль о Ксюше и грусть, которую он для себя ещё не успел распознать.

— Мне надо сходить в магазин, купить продуктов, пойдёмте со мной? — предложила Вера.

— Пойдём, конечно, прогуляемся, — поддержал Лёша и посмотрел на Ксюшу в ожидании ответа от неё. Она просто кивнула.

Заходя в магазин, Ксюша решила подшутить над Лёшей.

— Стой тут, тебе туда нельзя, — сказала она, показывая пальцем на надпись «вход с собаками запрещён». Шутка была слишком резкой для Ксюши. Лёша боялся обидеться на неё, боялся показаться слабым. Но это его задело, он растерялся, думал отшутиться как-нибудь.

— Я... я не собака. Я пёс. — Он сразу погрузился в глубокое отчаяние из-за того, что сказал такую глупость. Но на Ксюшу это сработало. Она ухмыльнулась. Видимо, она сама

думала, что пошутила слишком остро, и обрадовалась, что Лёша её поддержал. И всё-таки Лёша выглядел потерянным.

— Давайте посмотрим, что тут продают? — Вера пригласила ребят пройти по новому бутику, где продавали всякую всячину.

Ксюша остановилась возле брелков. На них были разные резиновые фигурки животных и персонажей. Ей приглянулся брелок с Лисой. Ей он очень подходил, они были будто похожи.

— Нравится? — Лёша проникся тем, как она смотрела на эти брелки.

— А тебе? — спросила она, мгновенно схватив брелок с собакой.

«Туше... Что ж ты такая кусачая, как... Неважно», — в своих мыслях Лёша сам пытался себя остановить. С Ксюшей это было не трудно.

— Мне нравится, — сказал он с обиженным видом, хотя не хотел таким показаться. Он больше расстраивался, что диалог не строится.

Вечер был тёплым. Ребята вернулись к Вере, попили чай и пошли в комнату гадать на картах Таро.

Вера была профессионалом в гадании. Как минимум потому, что она очень красочно умела интерпретировать значение выпавших карт. Она гадала на Шохруха, гадала на себя, а потом предложила ребятам на что-то погадать. Ксюша решила погадать на финансы и на учёбу. Карты выпали непло-

хия, но золотых гор и круглых пятёрок тоже не обещали. Лёша же замялся. Он знал, о чём хотел погадать, но решил просто спросить, что его ждёт. Выпала какая-то белиберда. Лёша ничего не понял из того, что ему сказала Вера, потому что ничего конкретного карты и не предложили. Чтобы утешить Лёшу, она сказала, что подобные вопросы обычно обречены на поверхностные ответы. Ребята посмеялись, убрали карты и начали болтать обо всём подряд.

— Я сейчас смотрю «Берсерка», кажется, это станет моим любимым аниме, — сказала Вера.

— Ты смотришь аниме? — удивлённо переспросил Лёша, хотя даже не имел чёткого представления о том, что это вообще такое. Он слышал об аниме в других кругах, ему объясняли, что это, но своими глазами ещё не видел.

— Половина из того, что я говорю, я говорю про аниме, Лёша. На минуточку. Если ты, может быть, не заметил, — ответила она в грубом юморе.

— Ну хорошо. А у тебя, Ксюш, есть любимое аниме? — он был уверен, что и она смотрит, раз так хорошо понимает, о чём говорит Вера.

— Да... «Бродячие Псы», — сказала она, слегка отводя взгляд и улыбаясь.

— О, я понимаю тебя, хороший выбор. Да у тебя есть вкус! — сказал Лёша, увидев, что она намекает на сегодняшние шутки про собак и псов. Для него это было очень похоже на флирт, и ему это начало безумно нравиться. Детская игра,

но она была полна доброты и тепла, что хотелось бы, чтобы такие игры всегда и были между ними.

— Мне пора собираться, — сказала Ксюша.

— Я тебя провожу.

— Я не слепая, мне поводыр не нужен.

— Ну хватит, да, уже? Не жести, Ксюш. — Лёша понимал, что она просто не может остановить свой юмористический всплеск. А может, это он хотел так это понимать.

— Ну правда, я дойду, мне тут идти пять минут. Я хочу с музыкой пройтись, — она пыталась убедить его очень мягко, отчего Лёша быстро проникся и не стал настаивать дальше.

— Ладно, звони сразу, если что не так.

— Хорошо, пока.

Ксюша ушла, Лёша, довольный, в добром настрое даже забыл о деревне. Напитанный этой энергией, он стал задавать Вере вопросы о том, почему ей вообще понравился Шохрух. Он хотел, чтобы она немного тоже освободила душу. Но она хотела поговорить о другом.

— Шохрух просто классный... Ты мне лучше скажи, тебе не кажется, что Сонька за тобой прям бежит? — И правда, так думали все вокруг. Она всегда ждала его, всегда старалась быть рядом, показывала, что он ей невероятно интересен.

— Ох, Вер, как бы мне хотелось, чтобы это было не так. Она такая хорошая. Но я не хочу совершенно этого. Она и красивая, и умная, и интересная, но мне... Понимаешь...

Мне Ксюша нравится, — решился вдруг он. — Я совсем недавно это понял, но кажется, это сильно.

Вера показала какое-то разочарованное удивление. Она не ждала, что симпатия вообще в этой компании появится. Считала это неуместным. Но ведь это жизнь.

— Ну хоть Карину ты переболел, — сказала она, будто совсем не желая продолжать говорить.

— Да знаешь, я думаю, что она мне просто нравилась. Такое ощущение, что то, что было тогда, очень мало по сравнению с тем, что есть сейчас. И потом, я же тебе говорил, что это просто была детская фантазия. Я с Кариной даже не общался.

— Леш, вот тебе оно надо? Ты же можешь разрушить эту дружбу.

— А при чём тут дружба? Это ведь чувства, а не стратегия.

— Ну как знаешь.

— Ладно, Вер, я тоже пойду.

Пока Лёша шёл до дома, он слушал улицу, вдохновлённый спокойствием. Такое же спокойствие его радовало в сердце. Но он начал вдруг переживать: «А что, если я ей не понравлюсь? Но она ведь флиртовала со мной. А что, если она просто назвала меня собакой, а я увидел в этом что-то большее? Ну тогда надо мной можно нехило поржать. И почему Вера так расстроилась? Неужели она и вправду думает, что симпатия может разрушить отношения? А что, если она права?» —

каждая мысль становилась всё мрачнее, но масштабнее. Он начал думать, что если всё действительно настолько сложно, то краски у жизни не такие уж и яркие. Он был несогласен и не готов к такому.

Когда он уже лежал в кровати и перебирал в голове события дня, пришло сообщение. От девушки из школы. Настя, он с ней почти не общался, но раз в год они поздравляли друг друга с днём рождения. Она написала:

«Лёша, привет! Слушай, тут летом нужны аниматоры и помощники аниматоров. Работа на базе отдыха. Я подумала, что тебе подойдёт. Ты же любишь людей и умеешь придумывать какие-то весёлые сцены, импровизировать. Если интересно, скину контакты. Может, ещё кого возьмёшь с собой, они ищут двоих. Мне сказали, если есть компания, можно взять пару человек».

Лёша замер. Это было неожиданно, но так вовремя. Он вспомнил, как Ксюша говорила о работе до деревни. Может, это был знак? Он открыл диалог с ней и быстро набрал:

«Ксюш, привет! Тут работу предложили на лето. Аниматором или помогать аниматорам. Одна смена, весело, платят немного, но ведь платят! Если хочешь, можем попробовать вместе. Я подумал, тебе может быть интересно, ты же хотела подработать. Отпишись, если захочешь».

Он отправил сообщение и выдохнул. Сердце колотилось, как будто он прыгнул с высоты. Он не знал, ответит ли она. Но ему показалось, что он сделал шаг в правильную сторону.

Возможно, это был тот самый шанс.

Может, жизнь не видит чувств людей и просто ломает их испытаниями, а может, риск пойти ва-банк настолько их пугает, что картина мира остаётся везде предсказуема, а настоящая искренняя взаимная любовь становится настолько же редкой, как хорошая работа. И всё-таки это проблема. Не хватает сил терпеть так много боли, когда желания просто рассыпаются, ударяясь о судьбу. А может, судьбы не существует... Лёша думал много и думал непрерывно, пока не достигнет удовлетворяющей мысли. А жизнь идёт своим временем.

Ксюша ответила ему сразу. Она согласилась, уточнила условия, а на следующей неделе они поехали в офис. Рабочая обстановка была немного скованной. Ксюша сидела в другом конце помещения. Людей было довольно много. Лёша боялся признаться, но работать он уже вовсе не хотел. Ему не нравилось то, что им предлагают. Он видел, что эта работа требует больших усилий. Но почему-то он взял на себя роль. Тяжёлая задача — организовать детей. Ещё тяжелее — организованно развлечь их. Зачем он взял на себя это бремя? Ему предложили за это три тысячи рублей. Ксюша выбрала задачу помощника за полторы тысячи. В их возрасте они ещё не понимали, что эти деньги — копейки.

«Всего одна смена. Я буду с Ксюшей. Смена закончится — Ксюша останется. Это ради неё. И ради неё это мне в радость... Кого я обманываю? Зачем мне эта ответственность?

Я должен суметь не опозориться перед ней. Но ей это нужно. Хотя всего полторы тысячи. Нет, надо как-то попросить, чтобы нам платили поровну. Что я делаю...» — Лёша мучал себя всю ночь перед сменой, но как ему быть, так и не понял. Он решил попробовать неподконтрольную ему обстановку, но боялся этого страшно. Ксюше он об этом решил никогда не рассказывать.

Туристическая база, где проходил праздник, была очень большой. Семь точек, семь актёров, у каждого по два ассистента. Грим актёрам делали очень качественный. Лёша был одет в длинную чёрную мантию, чёрные шаровары и гигантскую шляпу. На глаза нанесли тёмно-синие тени, а также подрисовали усы. Он играл путешественника во времени. От такого грима Лёша почувствовал себя комфортно и принял мысль, что если он опозорится, то это опозорится путешественник во времени, а не он. Ему нужно было просто ждать на условной точке, провести конкурс, а ассистенты если что подстрахуют.

У актеров всё проходило быстро. Но если Лёша работал примерно минут тридцать, то Ксюше пришлось следить за детьми все пять часов: на чаепитие, на встрече группы, на переходе от одной условной точки до другой. Лёша почувствовал страшнейшую несправедливость: «Мне платят в два раза больше, а делаю я в десять раз меньше». Он решил просто продолжать развлекать детей и помогать ассистентам. Хотя они справлялись намного лучше, чем Лёша: он хорош как

актёр, но как организатор уступал позиции. Лёше было достаточно, что он был рядом с Ксюшей, хоть ей в той обстановке совсем не до него.

Когда мероприятие закончилось, Лёша выдохнул и обрадовался, что может с удовольствием провести вечер с Ксюшей, обсуждая моменты дня. Если бы он только знал, как на самом деле всё обернётся... На одной из точек работал харизматичный актёр, Кирюша. Он был приветлив ко всем, но в каком ужасе был Лёша, когда видел его игры и шуточки с Ксюшей. Ничего лишнего не происходило. Так подумал бы любой. Но не Лёша. Когда вся группа освободилась от своих задач, Ксюша будто забыла, что Лёша там, рядом. Или забыла, что они знакомы, или что он вообще существует. Она даже проходя мимо, не смотрела на него.

В пять вечера закончилось мероприятие, в половине шестого Лёша проклинал жизнь: «Мы приехали сюда вместе, я предложил ей работу, решился работать с таким страхом, какой никогда не испытывал... А она меня даже не замечает. И ведь специально это делает».

Лёша вышел из дома, который служил актёрам гримёркой, и полчаса просто ходил из стороны в сторону. Проходившие мимо могли бы заметить по его лицу, что он сильно грустит, но никто не заметил. Настолько был хорош грим. Осознавая это, Лёша отчасти был рад. Он хотел, чтобы его печаль заметила только Ксюша и поняла его. Но как она увидит, что скрыто под гримом, когда вообще на него не смотрит? Он

никогда не признается, обвинит жару и яркое солнце... Но грим стал растекаться, а глаза краснеть.

В конце концов к нему подошла Настя, девушка, предложившая работу. Она хотела сфотографироваться на память об этом опыте. Лёша не отказал. Как раз в тот момент Ксюша проходила рядом, и он сделал усилие над своим отчаянием, предложив ей сфотографироваться вместе.

— Ксюш, давай сфотографируемся на память?

— Нет, я не хочу. Я не фотогенична, — это была ложь, оправдание, страх, обида... Это могло быть всем, чем угодно, но только не правдой. Отчаяние Лёши не ушло, но ещё и добавилось смятение. Ксюшу будто подменили. Она не была такой зажатой, скованной.

Лёша сделал для себя вывод: Кирюша мог что-то ей сказать такого, отчего Ксюша просто решила брезгать своим другом, из-за которого она там. Он сделал этот вывод и стал думать лишь о том, как больно было от биения сердца с отдачей в висках и ушах. У него заболела голова, потерялось настроение. Он скорее смыл с себя грим, переоделся и просто ждал, когда они поедут домой.

Оставалось совсем немного. Лёша бросил попытки обратить на себя Ксюшино внимание. Вся группа перед отъездом собралась подвести итоги и попить чай. Лёша смотрел на всех исподлобья и молчал, будто он никогда не проявлял актёрское мастерство и даже поздороваться с незнакомым человеком как будто бы постеснялся. Ксюша так и не обраща-

ла на него внимания. Кирюша занял ей место возле себя, налил чай. Она была укомплектована, о ней было кому позаботиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.